

ЭРНСТ ЮНГЕР

ПРОБЛЕМА АЛАДДИНА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Гем)-44
Ю50

Серия «Эксклюзивная классика»

Ernst Jünger

ALADINS PROBLEM

Перевод с немецкого *Е. Шукшиной*
под общей редакцией *Н. Федоровой*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*
Дизайн обложки *В. Воронина*

Юнгер, Эрнст.

Ю50 Проблема Аладдина : [роман] / Эрнст Юнгер ;
[перевод с немецкого Е. Шукшиной]. — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 160 с. — (Эксклюзив-
ная классика).

ISBN 978-5-17-161048-7

Эрнста Юнгера всегда интересовали парадоксы материального существования и проблемы одиночества человека в индустриальном обществе. Эти темы нашли отражение в «Проблеме Аладдина» — аллегорическом, философско-поэтическом романе, относящемся к позднему периоду творчества автора.

В поисках лучшей жизни солдат из Восточной Германии Фридрих Баро дезертирует на запад и волей обстоятельств начинает заниматься похоронным бизнесом. Дела постепенно идут в гору, и Фридрих понимает, что стал частью большого коммерческого предприятия, которое унижает достоинство умершего и превращает его в элементарную единицу статистики.

Баро близок к безумию, деньги не приносят ему радости, неразрешимой для него становится, как он сам ее называет, «проблема Аладдина»: обладая огромной властью, Баро не может найти ей правильное применение...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Гем)-44

© Ernst Jünger, Aladins Problem.
Sämtliche Werke (PB) vol. 22,
Klett-Cotta, Stuttgart 2015
© Klett-Cotta – J.G. Cotta'sche
Buchhandlung Nachfolger GmbH,
Stuttgart, 1983
© Перевод. Е. Шукшина, 2024
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-161048-7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Пора мне обратиться к моей проблеме. У кого нет проблем? У всякого есть, и не одна. У проблем своя очередность — главная выдвигается в центр бытия и оттесняет остальные. Она тенью неотступно преследует нас и омрачает разум. Даже если мы просыпаемся ночью, она и тут набрасывается на нас, как зверь.

У всех иногда болит голова; неприятно, но существуют лекарства. Дело принимает серьезный оборот, когда в один прекрасный день человек задается вопросом: а вдруг за этим что-то кроется? Может, небольшая опухоль? И мимолетная тревога становится постоянной, главной.

Однако и такая тревога буднична, что понимаешь, вспомнив статистику, ибо в то самое время, когда вы мрачно раздумываете о своей опухоли, та же тревога гнетет на планете тысячи и тысячи других. Значит, она у вас общая?

Разумеется, несмотря на это, проблема все равно остается очень личной, ее ни с кем не разделить. Речь идет о целом: за головной болью скрывается опухоль, но ведь за опухолью, может, что-то еще, к примеру карцинома.

Следует, однако, учитывать, что, возможно, ничего и нет, в основании проблемы — воображение. У страха тоже есть своя мода — сегодня она предпочитает атомную войну и карциному, иными словами, коллективную и личную гибель.

Раньше, когда свирепствовал паралич, особенно в верхних слоях общества, а там в свою очередь среди художников, многие воображали себе, что их одолевает этот недуг, и некоторые кончали с собой. Однако именно когда ничего нет, проблема становится еще ужаснее. Страх давит уже не какой-то своей разновидностью, а всей неделимой мощью.

3

Когда я за завтраком мешаю ложечкой в чашке и слежу за возникающими кругами, мне становится понятен закон, согласно которому движется Вселенная — в завихрениях спиральных галактик, в водовороте млечных путей.

Отсюда можно вывести метафизические, но и практические заключения. Зрелище напоминает мне ньютоново яблоко или вырывающийся из чайника пар, виденный Уаттом в детстве, задолго до того, как ему изобрести паровую машину. «Это наводит на размышления», — говорим мы. Очевидно, мышлению предшествует слияние с материей; за ним следует состояние, подобное сну, производящее, порождающее мысль.

Ну и что? Кружится Вселенная или распадается — проблема все равно остается.

4

Проблему ни с кем не разделить; человек один. В конце концов, на общество полагаться нельзя. Как правило, оно гадит, часто даже

уничтожает, но может и помочь, правда, не больше, чем хороший врач — до неизбежного предела, за которым его искусство бессильно.

Прежде всего, никакой меланхолии. Отдельный человек может утешиться, уяснив свое положение. Раньше на это работали религии. Не случайна их тесная связь с искусством, ведь они наивысшее его изобретение.

Поскольку же боги нас оставили, мы принуждены обратиться к их источнику, искусству. Необходимо вытащить идею из того, что или кого мы изображаем. Где-то должна быть мастерская. Гончар создает вазы, чашки, обычную посуду. Его материал — глина; все возникает в круговороте приливов и отливов, затем распадается в пыль и снова становится для нас материалом.

Наше социальное положение или нравственная позиция не играют тут никакой роли. Можете быть князем или поденщиком, пастухом, проституткой или карманником, но, скорее всего, вы, как я, обычный человек.

У каждого есть должность, работа. Для чего мы созданы, к чему призваны — тот, кто даст нам хоть какое-то об этом представление, нас возвысит.

5

Я, признаться, не поэт, хотя могу выразить «свои переживания», правда, только в разговоре с самим собой. «Выразить» — вот и найдено слово, неважно, удалось «выражение» или нет. Стало быть, все сводится к освобождению, к своего рода исповеди в надежде на самоотпущение грехов. Нету надо мной другого судии, другого священника.

Время мое ограничено, однако ж всякому позволено на месяц удалиться в лес или пустыню. Там можно описать или, точнее, переписать свою проблему — тогда она будет сформулирована, хотя и не решена. Может, человек споет о ней или найдет пещеру и изобразит ее на стенах черно-красно-золотыми земляными красками. И она будет таиться в пещере, пока археолог не обнаружит ее и не начнет над ней раздумывать; но лучше пусть останется скрытой навеки.

6

Однако к делу, сначала о личности. Я смотрю в зеркало или в свое лигницкое досье:

пол мужской, возраст тридцать семь лет, рост средний, глаза карие, волосы темные, поседевшие на висках. Особые приметы: правая нога в результате несчастного случая чуть короче левой. Не судим. Тот факт, что я, нарушив субординацию, несколько недель провел под арестом, не отмечен.

Конфессия протестантская, хотя после конфирмации я хожу в церковь только по особым случаям. И все же в глубине души я ее чту, ну как произведения искусства.

По временам меня подмывало выйти из церкви, но решение так и не созрело. Беспокоила не столько мысль о том, что предки перевернутся в гробу, сколько привязанность к традиции — я консервативен по рождению и склонности, однако преобладали соображения удобства. Кроме того, это повредило бы работе. Не могу я избавиться и от своих манер, хотя дозирую их в зависимости от окружения и обстоятельств.

Что до одежды и поведения, держусь я неприметно, ношу серые костюмы хорошей ткани. Толчея любого рода мне отвратительна; в театре предпочитаю средние ряды партера и место с краю, откуда можно быстро, не привлекая внимания, уйти. К окошкам в

учреждениях и садясь в самолет, встаю к концу очереди. В фехтовании скорее уклоняюсь, чем отступаю.

Ссор и споров избегаю, хотя в беседе с другом или подругой неумолим, даже если они не разделяют мою точку зрения, которую в обществе я не высказываю. При этом умею слушать.

7

Уже несколько недель по утрам у меня слегка дергается лицо; немного опустилось левое веко. Прежде чем произнести трудные слова, например, «феноменология», я должен чуть подумать и сосредоточиться, как бегун перед стартом. Тогда они выходят даже лучше обычного.

Это все мелочи; полагаю, они заметны только мне, но за собеседниками я наблюдаю со вниманием, прежде мне чуждым. Обнаружив изъян, мы только о нем и говорим. Он мешает подобно пятну на костюме, растущему, чем больше его трешь.

Сплю я беспокойно; сны становятся явственнее. Встав, я рассматриваю себя в зерка-

ле, дабы установить идентичность и увериться, что это еще я. Где же я был? Может статься, в один прекрасный день я и не вернусь. Эмигрирую из тела и поселяюсь на новой родине. Тогда началось бы приключение, которое наполовину пугает, а наполовину влечет.

Старое платье сношено; надо бы его заменить, я скверно себя в нем чувствую. Состояние змеи, прежде чем ей сбросить кожу — дневной свет ее утомляет; она возвращается в свою нору.

8

Семья моя имела земли в Силезии, в независимом Лигницком княжестве. Владения были немалыми, она пользовалась известностью. Открывая старую энциклопедию, я нахожу ряд носителей моего имени, отличившихся на войне и в мирной жизни, в армии, администрации, при дворе и даже в науках. Еще чаще оно встречается в Готском альманахеⁱ и списках армейского командного состава. Пять раз отмечено орденом *Pour le Mérite*ⁱⁱ, три раза — Черным Орломⁱⁱⁱ. Как и везде, попадались неудачники, уехавшие в Америку,

составившие себе репутацию чудаков или покончившие жизнь самоубийством. Кто-то даже обессмертил свое имя в Питавале^{iv}, том самом собрании знаменитых преступлений. Так что кое-какое наследство имеется.

Все давно в прошлом. От того времени нас отделяют войны и революции, ликвидации и изгнания. Я смотрю на два поколения эмигрировавших, высланных, убитых. Сегодня наше имя уже не известно. Кто еще помнит о Кацбахе^v, где старик Блюхер под проливным дождем дал французам прикурить? Мы жили возле него. Река носит теперь другое имя, как и я.

Листая страницы семейной истории, могу представить себе, как жил бы тогда: за домашним обучением последовал бы либо кадетский корпус, либо евангелическая гимназия, либо дворянский лицей. Потом, несомненно, я на год поступил бы фенрихом или вольноопределяющимся в Лигницкий королевский гренадерский полк. Затем военная карьера или учеба, скорее всего — камеральные науки. Имя помогало, но им одним было не прожить; дисциплина отличалась строгостью. До майора имени обычно хватало. Еще ты мог рассчитывать на лейтенанта полиции, комен-

данта округа, торгового агента винодельни. В конце концов, с возрастом мог вернуться в имение. Имуущество обеспечивало более-менее благополучное существование.

Выдающееся дарование вело в столицу: генеральный штаб, министерства. Старинный романист с любовью описал эти берлинские круги; я погружаюсь в его книги с ностальгией, будто слышу колокола церкви, которой больше нет или она ушла под воду, как Винета^{vi}.

С тех пор как меня одолела тревога, я много читаю, может быть, слишком много. Тоже цепочка: сначала появляется тревога, за ней следует бессонница, потом бессонница и становится главной тревогой. Как соединены звенья цепи?

9

Здесь может возникнуть заблуждение, будто я горжусь своим происхождением; вовсе нет. Напротив, я его скрываю, я его отбросил.

Дворянство стало бременем, в определенных обстоятельствах могущим оказаться опасным. Это пошло уже с «Ça ira»^{vii} великой революции. Были передышки, периоды реак-

ции, крупные и малые острова вроде Пруссии, Японии, Прибалтики, но сомневаться в упадке не приходилось.

Тот, кто ищет виновника упадка — а я против такой постановки вопроса, — должен начинать с себя. Падению предшествовала внутренняя слабость. Она заметна в людях, прежде всего в монархах. Существует граница, за которой нравственность уже не присуща поступку, начинает отделяться от него и ослаблять. Тогда же гаснет харизма.

Я вижу и по своей семье: выросло число неудачников, праздных бездельников, игроков, чудаков, эстетов. Люди становятся добряками, слезают с коня, продают леса, обращаются к посторонним предметам вроде торговых сделок, начинают играть в теннис или участвовать в автогонках. Так наследством живут еще сотню лет, а потом все яснее вынуждены понимать: «За то, что у тебя было, еврей не даст ничего», иными словами, что было, то прошло.

10

Разумеется, я все отбросил. Правда, есть одно «но»: я имею в виду тот слой, где гены

отличаются постоянством. Предки гнезятся глубже, чем можно подумать. Фразу стоит прочитать дважды.

И еще одно, на что лишь намекну: силезское. Из наших старых областей именно Силезия и Вестфалия придают характеру своеобразие. Этого не отбросишь.

Хоть мне и удавалось быть довольно незаметным, налет атмосферы силезского поместья, земли, людей оставался. Правда, чтобы его уловить, требовался особый нюх. По счастью, он встречался мне редко; самое неприятное воспоминание связано со службой в Национальной народной армии.

11

Меня командировали в мотопехотный полк, стоявший в моем родном городе. Казармы пережили бури времени; я благо разумно умолчал, что когда-то они носили имя моего предка, — оставил при себе. Я был также единственным, кто заметил, что из-под осыпавшейся штукатурки на воротах проступали очертания нашего герба.

От заблуждения, будто в этих войсках царит особый дух братства, я скоро излечился. Если все остальное в порядке, жесткая дисциплина обычно не затрагивает товарищество. Нельсон полагал, для повешения дезертира воскресенье — день не хуже прочих. Тот в конце концов знал, что рискует головой. Подобные высказывания не могли поколебать любовь к нему матросов; с другой стороны, он считал жестокостью отнимать у пленных табак.

В народных армиях все иначе; здесь царит не корпоративизм, а конформизм; у них не история, а идея. Все наблюдают друг за другом, ловят малейшее нарушение. Даже улыбка может вызвать подозрения. Вдобавок идея, в отличие от монархий, не связана с личностью; она столь же абстрактна, сколь и туманна, своего рода коллективное чувство, порождающее моды, течения, которые необходимо учитывать. Ему подчиняются и командиры; личная популярность не приветствуется.

Как конкретно подавляют личность, я описывать не стану, поскольку тема мне противна. Все происходит втайне, за стенами тюрем, за колючей проволокой лагерей. Тем не менее верхушка заинтересована в том, чтобы кое-что просачивалось наружу.